

Е. А. ТУДОРОВСКАЯ

К вопросу о воздействии старинной литературы на русскую народную сказку

В русских народных сказках встречаются мотивы и сюжеты, возникшие, вероятно, не без книжного влияния. На это указывали многие исследователи. «В народном сказочном эпосе ... можно заметить некоторые частные подробности, появление которых объясняется или вообще произведениями письменности, или ... старинными переводными повестями».¹ Проводниками такого влияния были рукописные сборники, которые обращались в самой демократической среде, включая крестьянство. В особенности большую роль в распространении книжных влияний сыграл лубок. «Лубочная картинка с подписью в несколько строк, лубочная книжка с иллюстрациями стала простонародной и вступила в тесную связь ... с рукописными сборниками XVIII века, в общем представляя то же содержание».²

В русской сказке можно обнаружить сюжеты и эпизоды, пришедшие прямо из старинной переводной повести, составлявшей «популярное чтение старого времени, очень любимое и распространенное»,³ — такие как «Сказка о царице и львице» (порожденная «Сказанием о кесаре Оттоне») или эпизод «Битва между львом и змеем» (проникший в русскую сказку из чешской «Повести о короле Брунцвике»).

Через лубок пришли в русский фольклор сказки «Бова», «Петр — Златые ключи», «Остров вечного веселья».

Но не всегда можно говорить о прямой связи, о заимствовании. В народной сказке можно встретить фольклорные сюжеты и эпизоды, которые тем не менее явно возникли под воздействием книжной литературы, ее представлений и идей. Таков, в частности, эпизод «Сила хмеля».⁴

Назидательные сочинения о вреде пьянства были широко распространены издавна, как в русских рукописных сборниках, так и в лубочной литературе.⁵ Проникновение этих мотивов в фольклор несомненно, хотя исконному сказочному фольклору они несвойственны: герой сказки (солдат, бедняк) мог быть «горьким пьяницей», но пьянство здесь рассматривалось скорее в аспекте социальном (бедняки пьют с горя), чем мораль-

¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857 («Положения»).

² М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963, стр. 81.

³ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории... стр. 2.

⁴ См.: Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, стр. 37—38, № *485.

⁵ Ф. Буслев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1 Русская народная поэзия. СПб., 1861, стр. 556.

ном. Нравоучительные обличения пьянства в старинной литературе имели «христианско-апокрифический источник», но такой источник преданий, по словам А. Веселовского, «вовсе не умаляет для нас их народного значения».⁶

Мотивы о дьявольской природе вина, о демонической силе хмеля в нашей литературе восходят еще к «Откровению» Мефодия Патарского (появившемуся у нас до XII в.), вернее — к «Интерполированной редакции» «Откровения», самостоятельной русской редакции источника. Составление ее относится к XV в., но распространение она получила начиная с XVII в. (со времени появления раскола).⁷ В «Интерполированную редакцию» «Откровения» и вошел апокриф о Ное и Евге, где, в частности, повествуется, как дьявол научил людей делать водку. Апокриф этот был хорошо известен в народе, вошел в так называемую Лицевую Библию, известную по собранию А. С. Уварова. Ф. И. Буслаев считал, что именно этот текст стал источником фольклорной легенды.⁸ Он же приводит фольклорный рассказ из собрания П. И. Якушкина (а стало быть, записанный в XIX в.), отличающийся несомненной народностью от языка и стиля апокрифа. Народную версию апокрифического сказания о Ное и Евге приводит также А. Н. Афанасьев в «Русских народных легендах».⁹

Представления о дьявольской силе пьянства отражены и в некоторых произведениях старинной сатирической литературы (как, например, в «Повести о высокоумном хмеле»); эти материалы были широко представлены в рукописных сборниках, вошли и в лубок.¹⁰ В «Повести о высокоумном хмеле» хмель выступает как некоторое одушевленное существо — «олицетворение злого демона пьянства», по выражению Ф. Буслаева. Хмель говорит о себе: «Голову имею высокоумную, а ртом я несовершен. Язык имею многоглаголив...». Хмель повествует, как он овладевает пьяницей: «И довольство его отниму от него, и вложу его в пьянство безмерное, и сотворю его смела и буйна, горда и величава, суемудрена и тщеславна, многоречива и самохвальна».¹¹

В. Н. Перетц, приводя различные материалы из старинной сатирической литературы, говорит, что в этих произведениях пьянство выступает как «роковая сила, с которою борьба порою невозможна человеку всякого чина».¹²

Все эти представления нашли свое отражение в фольклоре, и не только в легенде, но даже в волшебной сказке, которая, вообще говоря, сопротивляется прямому морализированию. Именно так возник эпизод «Сила хмеля». Большой частью ему предшествует другой эпизод книжного происхождения, о котором упоминалось выше. Герой сказки, блуждая вдалеке от родной страны, встречает льва, дерущегося со змеем; герой помогает льву победить змея; благодарный лев отвозит героя на себе домой, но, расставаясь, запрещает ему хвастаться этой поездкой. Однако герой, напившись и захмелев, не утерпел и похвастался перед земляками своей поездкой на льве. Перед ним появляется разгневанный лев, но герой убеж-

⁶ А. Веселовский. Опыты по истории развития христианской легенды. ЖМНП, 1875, № 5—6, стр. 48.

⁷ В. Истрин. Откровение Мефодия Патарского, М., 1897, стр. 233.

⁸ Ф. Буслаев. Исторические очерки... стр. 440.

⁹ А. Н. Афанасьев. Русские народные легенды, т. I. Казань, 1914, стр. 98, № 14.

¹⁰ В. Перетц. Из старинной сатирической литературы о пьянстве и пьяницах. — В кн.: Сборник в честь проф. С. Ф. Платонова. СПб., 1911.

¹¹ Ф. Буслаев. Исторические очерки... стр. 566.

¹² В. Перетц. Из старинной сатирической литературы о пьянстве и пьяницах, стр. 432.

дает его, что виной всему хмель, и обещает льву показать силу хмеля. Герой напоил льва вином, а когда тот, опьянев, после буйства заснул, то был связан и очнулся наутро в цепях. Так лев убедился, что хмель делает «смелым и буйным, многоречивым и самохвальным», что человек «во хмелю всё скажет», даже то, что ему запрещено говорить (как говорит лев в одной из сказок: «Тут не только на кого скажешь, и на себя нанесешь!»¹³). Лев познает, что «хмель — роковая сила, борьба с которою невозможна», и прощает героя. Самое олицетворение хмеля в виде некоего персонажа (как это внушает герой простодушному льву) также коренится в многочисленных рассказах о хмеле — литературных, лубочных, народных.

В соединении с эпизодом битвы между львом и змеем мотив «сила хмеля» вошел в сказку о Вавилонском царстве, сказку позднего происхождения, также сложенную под влиянием книжной традиции. Кроме того, тот же мотив участвует и в сказке «Соль» (помещенной еще А. Н. Афанасьевым в его «Собрании сказок»), которая тоже заканчивается эпизодом с «силой хмеля». Нравоучительность этого эпизода сказалась в том, что он существовал даже в виде отдельной сказки-басни.¹⁴ Как сказочный эпизод, этот мотив просуществовал до Октябрьской революции. Существуют, однако, и записи 1920—1930-х годов сказки типа «Соль», но, возможно, они восходят непосредственно к сборнику Афанасьева. По существу мотив «силы хмеля» в старинном понимании — как демонской, враждебной человеку силы — утратил в наше время интерес для фольклора, сохранив лишь чисто историческое значение — как доказательство влияния старинной литературы на народное творчество.

¹³ Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 22.

¹⁴ Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, № 161.